

У Зимина.

„Генрихъ VIII“.

Далекая эпоха. Пышный дворъ британскаго короля. Роскошные, усыпаные драгоценностями костюмы. Странные головные уборы. Медленные, полныя важности движенія и рѣчи. Строгий этикетъ.

Вотъ что рисуется вамъ при мысли о личности Генриха VIII.

Вы раскрываете клавири оперы и убѣждаетесь, что композиторъ опредѣленно поддерживаетъ картину, сложившуюся въ вашемъ воображеніи.

Впрочемъ, это и понятно.

Сочиняя музыку „Генриха“, Сент-Сансъ преднамѣренно, — какъ онъ самъ заявляетъ, — стилизовалъ ее въ духѣ глубокой старины, въ духѣ классиковъ. Стараюсь дать настроеніе средневѣковаго англійскаго двора, сообщилъ ей нѣкоторую приподнятость, ходульность, заключилъ въ старинныя, округленныя формы.

Въ погонѣ за стилемъ онъ нашелъ для своей оперы чрезвычайно цѣнную деталь. А именно — мелодію хора, сочиненную самимъ Генрихомъ VIII, — король, между прочимъ, былъ и композиторомъ!

На этой мелодіи построено вступленіе оперы и грандіозный финалъ сцены въ парламентѣ...

Переходя къ сценической сторонѣ оперы, къ либретто, приходится, конечно, признать, что здѣсь все наивно, придуманно. Все — „по-нарочному“.

Призракъ „Вампуки“ не разъ веселитъ зрителя.

И, мнѣ кажется, спасеніе режиссера лишь въ томъ, чтобы, оставивъ всякій реализмъ, жизненность въ сторонѣ. — подчеркнуть елико возможно больше, эту наивность, нарочность либретто.

Клинь клиномъ вышибить. Стилизовать постановку до послѣдней степени.

Тогда ходульная, псевдо-классическая музыка Сент-Санса сольется съ ходульной же, этикетной сценой. Тонкая, до мельчайшихъ деталей доведенная нюансировка звука и наивное изящество балетной игры создадутъ какое-то единство.

Въ результатѣ можетъ получиться любопытное цѣлое. И даже должно получиться, такъ какъ въ „Генрихѣ“ главное — это стиль, стиль и еще разъ стиль...

Зиминская постановка „Генриха“ грѣшитъ прежде всего отсутствіемъ внутренняго единства.

Стильныя декорации, костюмы несомнѣнно даютъ настроеніе эпохи. Здѣсь — красивый фонъ и рама картины.

Но игра исполнителей лишена опредѣленности направленія. Она то черезчуръ реальна, то груба, напоминаетъ „Вампуку“.

Пѣніе ихъ тоже слишкомъ просто для стильнаго произведенія, по оперному буднично.

Отсюда — неутѣшительный разладъ мелоду фономъ — рамой картины и самой картиной, ея фигурами.

Невольно мечтаешь о другихъ положеніяхъ, пятнахъ и мазкахъ.

И еще разъ думаешь, что для оперы, подобныхъ „Генриху VIII“ — нѣтъ много приближѣнна, какъ только ясная, въ одну точку бьющая, стилизація.

Можетъ-быть, поэтому лучший моментъ спектакля — пантомима (артисты Зиминской труппы) и танцы ученицъ г-жи Книпперъ-Рабенекъ.

И то и другое стилизовано.

Наивная грубость пантомимы, изображающей одно изъ приключеній легендарнаго англійскаго разбойника Робинъ-Гуда, — предельна. Какой простодушный примитивъ въ движеніяхъ, позахъ фигуръ. — Точно озяли стоявшія въ дѣтской деревянныя игрушки, — всѣ эти монахи, разбойники, поселяне.

Танцы ученицъ г-жи Книпперъ-Рабенекъ дышатъ истинной поэзіей. Въ нихъ много нѣжнаго очарованія юности, много свѣжести, чистоты...

Изъ исполнителей главныхъ партій ближе другихъ подошелъ къ стилю оперы и въ вокальномъ и въ сценическомъ отношеніи г. Никокъ — донъ Гомецъ.

Съ достоинствомъ держится Королева — г-жа Степанова-Шевченко. Красивый голосъ артистки хорошо звучитъ въ этой партіи.

По прежнему плѣняетъ бархатной волной своего баритона г. Шевелевъ — „Генрихъ“.

Разучена опера подъ руководствомъ г. Палицына добросовѣстно.

Хотѣлось бы только большей стройности, чистоты у струнныхъ въ извѣстномъ вступленіи къ танцамъ.

М. Багриновскій.